

Терпигорев Сергей Николаевич

Оскудение. Благородные

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Оскудение. Благородные: Том 1 / Терпигорев Сергей Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 568 с.

ISBN 978-5-519-76553-4

ISBN 978-5-519-76553-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Т Ъ А В Т О Р А .

Мнѣ необходимо объясниться.

Прежде всего, я вовсе не писатель. Я до известной степени грамотный и наблюдательный человек, и — только. Мнѣ довелось видѣть и наблюдать такіе факты, которые, какъ я убѣдился потомъ, къ сожалѣнію, даже и по слуху неизвестны очень многимъ настоящимъ писателямъ. Это, конечно, досадно. Они изъ такого матеріала могли бы надѣлать много превосходныхъ романовъ и повѣстей. Я ничего такого не могу написать. Но вѣдь я и не брался ни за что подобное. Я просто рассказываю, что я видѣлъ. Меня, поэтому, ужасно удивляетъ, когда ко мнѣ обращаются съ какими-то художественными требованіями. Какой я художникъ? На это есть настоящіе писатели. Къ нимъ и слѣдуетъ съ такими требованіями обращаться. Мнѣ дороже всего, что бы мои кар-

тинки были какъ можно болѣе вѣрны дѣйстви-
тельности, и чтобы освѣщеніе ихъ было тоже са-
мое настоящее, вѣрное. Вотъ и все.

Тѣмъ, что я уже написалъ, т. е. вотъ этими
первыми двумя томами очерковъ — я, пожалуй,
что и доволенъ. Но если бы мнѣ удалось очерки
дворни и потомъ — моя завѣтная мечта — очерки
мужичьяго оскудѣнія — я былъ бы счастливѣй-
шій человѣкъ.

Я однако не могу сказать: постараюсь.... Тутъ
стараньемъ ничего не возьмешь.

Сергій Терпигоревъ.

I.

У в е р т ю р а.

Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали.
НЕКРАСОВЪ.

Когда человѣкъ отчего нибудь «захудаетъ» — съ горя, съ бѣдности, отъ болѣзни — на него нападаетъ иногда нечисть, попросту, — заводятся гадкіе паразиты, называть которыхъ по имени считается неудобнымъ и въ печати, и въ обществѣ. Съ улучшеніемъ обстановки и вообще условій жизни несчастнаго, подвергшагося нападенію ихъ, они сами собой пропадаютъ и безъ всякаго лекарства.

Подходящее явленіе можно иногда наблюдать и въ другихъ сферахъ, причемъ причина остается, конечно, та же — «захудалость».

Въ наше удивительное время нечисти всюду завелось ужасно сколько: и въ обществѣ, и даже въ литературѣ, и никому нѣтъ отъ нея покоя.

Я счелъ нужнымъ сказать это потому, что мнѣ придется говорить сейчасъ о такихъ деликатныхъ вещахъ, на которыя нечисть обыкновенно накидывается всегда съ особеннымъ усердіемъ, извращаетъ смыслъ словъ, фактовъ и выводовъ, заключеній, и надѣ. безсовѣстно

оклеветанной жертвой-книгой вопіеть анаѣму или, по мѣрѣ усердія, даже подлаживаетъ подходящія статьи уголовного кодекса.

Конечно, со всѣмъ этимъ пока ничего не подѣлаешь — ея время, и она, нечисть, это знаетъ. Никакія оговорки отъ нея не спасутъ; но я и пишу эти строки не для огражденія себя, а для читателя, къ которому обращаюсь съ усердной просьбой, никого не слушая, повѣрить мнѣ, что, кромѣ самой искренней и строгой правды, я ничего не положилъ въ основу этихъ очерковъ и, кромѣ желанія рассказать все, какъ было, никакой задней мысли не имѣлъ.

Не очень давно, въ газетахъ появилось извѣстіе, что одинъ изъ крупныхъ русскихъ помѣщиковъ, графъ Орловъ-Давыдовъ, пожертвовалъ десять тысячъ рублей на конкурсъ за лучшее сочиненіе о фермерахъ, съ указаніемъ способовъ насажденія его въ Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ появилась и программа, по которой должно быть написано такое сочиненіе.

Я не имѣю чести знать графа лично, но знаю въ то же время, что имя его почему-то излюблено братьями Бланкъ, Скарятинимъ и проч., и во дни оны всѣ ихъ писанія никакъ не обходились безъ упоминовенія его имени и извѣстной граматы Екатерины II.

Изъ факта дачи десяти тысячъ рублей на конкурсъ и, наконецъ, изъ самой программы ясно, что графъ продолжаетъ ревновать о дѣлѣ помѣщичьяго благополучія. Это, конечно, похвально, но тѣмъ не менѣе совершенно бесполезно, ибо графъ, очевидно, продолжаетъ смотрѣть на факты съ точки зрѣнія помѣщиковъ 1861 года, и

стоитъ на почвѣ совершенно безплодной. Позволительно думать, что ему должно быть даже неизвѣстно, что и въ Англіи, въ этой классической странѣ крупнаго землевладѣнія, фермерство утрачиваетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе свой экономическій смыслъ, и пересаживать его къ намъ ужъ по одному этому нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Даже «Московскія Вѣдомости», которыя ужъ никакъ невозможно заподозрить въ нелюбви къ Англіи и ея государственному и экономическому строю, и тѣ, недавно, нарисовали такую мрачную картину англійскаго фермерства и всего происходящаго отъ этой формы землевладѣнія и земледѣлія, что соблазняться ею намъ по меньшей мѣрѣ странно.... да и поздно.

Не тамъ помѣщичья бѣда, гдѣ видитъ ее графъ, и не тамъ онъ найдетъ спасеніе, гдѣ его ищетъ.

Но, говорятъ намъ, мы разоряемся съ каждымъ годомъ; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе! Чѣмъ же, наконецъ, кончится это?

Я позволю себѣ на это просто отвѣтить:

— Виноваты мы сами, и насъ, кромѣ насъ самихъ, никто не спасетъ и спасти не можетъ.

Мнѣ давно хочется какъ можно проще, безыскусственнѣе и нагляднѣе рассказать, какъ все это вышло, т. е. съ чего и какъ началось наше оскудѣніе, и какъ дошли мы до теперешняго своего состоянія.

Рассказать это цѣлымъ рядомъ воспоминаній, очерковъ и замѣтокъ для меня сподручнѣе, чѣмъ написать на ту же тѣму большую съ цифрами статью. Впрочемъ, такая статья тоже очень желательна, очень не-

обходима, и даже жаль, что ее до сихъ поръ никто не написалъ.

И это совершенно неправда, что компетентные люди не хотятъ ее написать, потому что стоитъ ли, дескать, ломать голову и тратить время надъ изслѣдованіемъ, отчего и какъ сперва захудали, а потомъ почти-что совѣмъ на нѣтъ сошли помѣщики.

Такъ думали о помѣщикахъ давно ужъ. Такъ думали, говорили и даже писали передъ объявленіемъ крестьянскаго положенія и года два послѣ. Тогда такое отношеніе къ вопросу имѣло, пожалуй, и смыслъ. Тогда думали, что помѣщики, представлявшіе собою носителей подлежавшаго уничтоженію крѣпостничества, окажутъ нѣкоторую чувствительность относительно эксперимента, который готовился впереди. Думали, плохо зная ихъ, конечно, что они сила, и готовились на борьбу съ ними. Кричали на нихъ, бранили, чтобы запугать, устыдить, однимъ словомъ — обезкуражить. Это несомнѣнно было недоразумѣніе, но тогда оно все-таки имѣло смыслъ. Теперь же, когда все это кончилось, когда оказалось, что никакой борьбы и не предстояло вовсе, настало время взглянуть иначе.

Я очень плохой натуралистъ и не знаю, насколько сильно и вообще какъ отражается на окружающей природѣ исчезновеніе той или другой породы. Но я отлично знаю, какъ и въ чемъ выразилось и продолжается съ каждымъ годомъ все рѣзче и рѣзче выражаться въ деревенской жизни постепенное исчезновеніе помѣщичьяго элемента. Въ сферѣ этого вопроса я считаю себя достаточно компетентнымъ и потому буду говорить. Но чтобы былъ прокъ изъ такого дѣла, мы должны навремя оставить всѣ разглагольствованія и размышленія на тѣмъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ искусственно тор-

мозить это исчезновеніе, и если да, то на чей счетъ должны падать расходы по сему предмету: на общественный или казенный.

Началось это оскудѣніе, какъ извѣстно, давно-таки. Началось, разумѣется, не вдругъ, а понемножку, не такъ, какъ теперь валить. Читатель не забылъ извѣстія, появившагося недавно во всѣхъ газетахъ, о томъ, что въ одномъ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита сразу назначено къ публичной продажѣ двѣ тысячи имѣній! А вѣдь общество взаимнаго поземельнаго кредита не единственный у насъ земельный банкъ. Спрашивается, сколько же всего-то, во всѣхъ банкахъ, назначается къ продажѣ ежегодно имѣній? Прежде, повторяю, оскудѣніе шло тише.

Обстоятельству этому, разумѣется, предшествовали разные признаки, болѣе или менѣе ясно говорившіе, что дни процвѣтанія сочтены и что идти дальше невозможно. Болѣе прозорливые видѣли эти признаки, понимали ихъ, задумывались надъ ними, но, къ сожалѣнію, не надолго. Какъ увидимъ ниже, по природѣ своей, на такое вдумываніе и немного было способныхъ. Оттого, послѣ выпитія рюмки водки, мысли тотчасъ же переходили на другіе предметы, иногда совершенно посторонніе, въ родѣ того, на примѣръ, что намѣревались дѣлать ихъ современники: Наполеонъ или Пальмерстонъ? А между тѣмъ, по правдѣ-то говоря, эта разсѣянность и была всему причиной, и ужъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе главной причиной, чѣмъ сопряженная съ новымъ положеніемъ рѣзкость перехода отъ одной формы отношенія къ землѣ къ другой. Зани-

майся тогдашніе помѣщики своимъ дѣломъ — никакого вымиранія и не было бы.

Я убѣжденъ, что скажу безусловную истину, утверждая, что помѣщики разорились и продолжаютъ разоряться потому только, что никогда не дѣлали того, что имъ слѣдовало и слѣдуетъ дѣлать. Мужики пахутъ, купцы торгуютъ, духовные молятся, а что дѣлали помѣщики? Они занимались и развлекались всѣмъ, чѣмъ угодно — службой, охотой, литературой, амурами, но только не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься.

Еслибы, напримѣръ, въ то время помѣщику, захотѣвшему отдать своего сына, ну хоть въ училище статскихъ юнкеровъ, что-ли, съ тою цѣлью, чтобы онъ пошелъ потомъ въ чиновники или дипломаты, — просто сказать и притомъ кротко, взявъ его подъ руку: милый другъ, не дѣлай этого! У тебя есть земли, сиди на ней самъ и дѣтей приучай сидѣть на ней. Поэтому давай имъ воспитаніе и образованіе такое, чтобы они могли прочнѣе, честнѣе, умнѣе и выгоднѣе сидѣть на ней, а не дѣлай изъ нихъ праздныхъ людей, которые къ двадцати годамъ и тебя разорятъ, и сами ничего путнаго во всю жизнь свою не сдѣлаютъ, если не считать нужнымъ содержаніе Сюзетокъ, Камилекъ или проѣданіе у Дюссо и Бореля....

Я думаю, что онъ послушался бы этого совѣта.

Также точно слѣдовало поступить и въ томъ случаѣ, если бы было замѣчено, что помѣщикъ начинаетъ прельщаться красивой военной формой. И тутъ надо было также точно кротко взять его подъ руку и, проговоривъ вышеприведенную рѣчь, присовокупить къ ней еще слѣдующее: милый другъ, защищать отечество отъ враговъ мы всѣ, конечно, обязаны; но знаешь ли, что

защищать его дѣти твои могутъ съ неменьшей пользой и на другихъ поприщахъ, и безъ красивой формы. Красивая же форма, такъ соблазняющая твое око, много принесетъ тебѣ огорченія, и сынъ твой, красивый юнкеръ, оторванный съ малолѣтства и отученный отъ земли и охоты сидѣть на ней, все-таки не будетъ не только Наполеономъ или Цезаремъ, но даже, быть можетъ, и самымъ обыкновеннымъ генераломъ, и ужъ во всякомъ случаѣ эта случайность гораздо менѣе вѣроятна, чѣмъ то, что Ивановка или Осиновка твоя, въ первомъ и ужъ непременно во второмъ твоёмъ колѣнѣ, будетъ заложена, перезаложена и, наконецъ, совсѣмъ продана.

Къ этому съ увѣренностью можно сказать, что еслибы всесловная воинская повинность была бы у насъ введена двадцать, тридцать лѣтъ назадъ, помѣщичья раса не только не вырождалась бы, какъ теперь, но земля наша кипѣла бы помѣщиками и это былъ бы премилый народъ. Я нисколько не шучу. Если бы великая военная реформа совершилась двадцать, тридцать лѣтъ назадъ, сердце и очи помѣщиковъ давно ужъ не прельщались бы красивыми экипировками, ибо они очень хорошо знали бы, что сыновья ихъ, на-ряду со всѣми, будутъ въ извѣстное время, годъ или два непременно, носить ту или другую красивую форму, и для этого нѣтъ никакой надобности дѣлать ихъ специалистами совершенно не того дѣла, которое будетъ ихъ кормить, т. е. не зачѣмъ отрывать ихъ отъ земли.

Но этого не случилось, и Ивановки, Петровки и Осиновки, оставленные безъ присмотра, или, что еще хуже, поступившія подъ присмотръ отставныхъ департаментскихъ чиновниковъ или бывшихъ носителей красивыхъ формъ, одна за другой начали «улыбаться» и пе-

реходить во владѣніе къ кулакамъ, къ нѣмцамъ, жидамъ, однимъ словомъ — куда и къ кому угодно, но только не къ помѣщикамъ.

Если дать маленькую волю своему воображенію, то это удивительное исчезновеніе помѣщичьихъ имѣній можно представить себѣ такъ: всѣ эти Ивановки, Семеновки и Осиновки не распроданы самими помѣщиками, а какъ бы разбѣжались отъ нихъ.... Сговорились, да и разбѣжались.

Но такъ какъ я все-таки пишу, въ нѣкоторомъ родѣ, исторію дворянскаго оскудѣнія, то долженъ, разумѣется, слѣдовать примѣру великихъ учителей этого дѣла — историковъ, т. е. начать съ отдаленнѣйшихъ временъ и рядомъ фактовъ, иногда, повидимому, разнородныхъ, но, въ сущности, имѣющихъ внутреннюю связь, воспроизвести передъ читателемъ это грандіозное и вмѣстѣ печальное событіе.

Если не считать началомъ «бѣды» разрѣшеніе опекунскому совѣту брать въ залогъ за выданныя ссуды помѣщичьихъ имѣній, то «отдаленнѣйшія» времена, въ которыхъ мнѣ, какъ историку, приходится рыться, въ въ сущности суть времена очень не отдаленныя, и намъ совершенно нѣтъ никакой надобности проникать для этого въ глубь вѣковъ далѣе 1855 и даже 1856 г., когда окончилась Крымская война и ополченцы-помѣщики съ своими дружинами, въ большинствѣ случаевъ, не дошедшими даже до мѣста войны, начали возвращаться на родину, въ свои Ивановки и Осиновки.

Время возвращенія ополченцевъ было отличное время; всѣ сразу и очень чутко почувствовали, что что-то такое случилось, что къ намъ ворвалась струя какого-то новаго рѣзкаго воздуха, что она всѣмъшибнула въ носъ, и отъ этого всѣ какъ-то закопошились.... Пови-